

УДК 811.161.1-112

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В СБОРНИКЕ XIII ВЕКА

Э.Х. Шаяхметова, О.Ф. Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Исследование выполнено в рамках проекта, посвящённого эволюции и функционированию древнерусского глагола. В данной статье отражён результат изучения семантики перфектных форм в сборнике слов и поучений, датированном XIII в. и называемом «толстовским» (РНБ, Ф.п.1.39). Работа является частью комплексного анализа лингвистических особенностей кодекса, которые до настоящего времени в полной мере не были изучены.

Обращение к указанным формам глагола позволило установить следующее: в анализируемом источнике, как и во многих других памятниках, подавляющее количество форм перфекта представлено 2 и 3 л. ед. ч. Однако, в отличие от «традиционного» употребления форм 3 л. без связки, здесь очень мало «бессвязочных» форм. Установление единого критерия, который мог бы объяснить все контексты употребления и неупотребления перфектов, не представляется нам возможным. Предположительно, перфект передаёт некий комплекс субъективно окрашенных значений, связанных с эмоционально-экспрессивным выделением действия или события, с одной стороны, и со свидетельствованием либо с отсылкой к известной информации/источнику – с другой.

Ключевые слова: древнерусский язык, перфект, сложные претериты, семантика глагольных форм, древнерусский памятник XIII в.

1.1. Исследование проводилось с целью изучения семантического и функционального статуса перфекта в древнерусском письменном источнике, морфологические особенности которого ранее не были проанализированы. Вопрос о специфике функционирования претеритных форм до сих пор является дискуссионным, а в последнее время всё большее количество учёных отходит от ставшего традиционным понимания значения перфекта.

2.1. Материалом исследования, по результатам которого написана настоящая статья, послужил сборник слов и поучений, датированный второй половиной XIII в. и называемый «толстовским», поскольку рукопись входила в собрание Ф.А. Толстого (далее – СбТол XIII₂).

До сих пор этот памятник древнерусской письменности не был опубликован – исследование выполнялось нами по цифровой фотокопии, предоставленной Российской национальной библиотекой (РНБ), где хранится оригинал под кодом Ф.п.1.39. В Казанском федеральном университете ведётся подготовка «машино-

читаемого» интернет-издания рукописи, которое будет включено в Казанскую электронную коллекцию славяно-русских памятников письменности XII – XIV вв. на платформе портала «Манускрипт»¹.

Объём рукописи, относимой в связи с вышесказанным к числу малоизученных памятников письменности, составляет 184 листа, написанных в один столбец поздним уставом. Первые и конечные листы книги утрачены. В её составе:

- шесть Слов Кирилла Туровского;
- два анонимных Поучения;
- анонимная Притча о премудрости;
- Слово Иоанна Златоуста на Рождество;
- древнерусский перевод апокрифического Сказания Афродитиана;
- древнерусский перевод апокрифической Легенды об Авгаре;
- «память» св. Василия Великого;
- древнерусский список южнославянского перевода огласительных Поучений Кирилла Иерусалимского, которые занимают большую часть – л. 89 об.–184 об. [1, с. 324].

Наибольшую ценность СбТол XIII₂ придают оригинальные и переводные древнерусские тексты апокрифического характера. Слова Кирилла Туровского, как и Сказание Афродитиана, представлены самыми ранними списками. О.В. Творогов так пишет о Кирилле Туровском в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»: «Литературное мастерство принесло ему прочную и долговую славу; его слова постоянно входят в состав сборников (в том числе в Торжественник) наряду с произведениями знаменитых византийских проповедников и богословов. К[ирилл] хорошо знал и умело использовал литературные традиции Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Епифания Кипрского, Феофилакта Болгарского, Симеона Логофета, Тита Бострийского. Тем не менее К[ирилл] не компилятор; он подражает совершенным образцам, как того требовал литературный этикет средневековья, но сам поднимается на их уровень, придавая особое значение литературному совершенству своих произведений. Слова К[ирилла] отличает продуманность композиции, умелое введение элементов живого диалога, обилие риторических приёмов (амплификация, антитеза, сравнения разных типов, яркие метафоры). Творчество К[ирилла] явилось одним из наивысших достижений литературы XII в.» [2, с. 220]. Не отрицая элементов компилятивности в творчестве Кирилла Туровского, В.В. Колесов отмечает «оригинальность и чисто русскую по воплощению традиционных схем художественную форму» [3, с. 49]. Исследователь приводит и конкретный пример контекстного заимствования у Григория Богослова, который кардинально перерабатывается и углубляется Кириллом Туровским. Это вообще коренная черта заимствования с самых ранних примеров оригинальной литературы в Древней Руси – творческая и глубокая переработка исходного образа.

Следует сказать, что творчеству Кирилла Туровского посвящено немало работ, главным предметом которых стало исследование стиля (см., в частности, в дополнение к библиографии, представленной у О.В. Творогова, работы

¹ <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54/>.

Ф.Н. Двинятина [4], С.В. Козлова [5], О.А. Трапезниковой [6], Т.В. Черторицкой [7]).

На сегодняшний день только одна работа, посвящённая вопросам исторической грамматики, выполнена на материале произведений Кирилла Туровского. Это кандидатская диссертация С.И. Меречиной [8]. Исследователем дана общая характеристика темпоральных форм глагола во всём корпусе произведений Кирилла Туровского, включая отдельные Слова, представленные в СбТол XIII₂, по нелингвистическому некритическому их изданию.

Апокрифические повествования в СбТол XIII₂ соседствуют с ведущим жанром средневековой культуры – проповедью (см. выше). А значит, рассмотрение функционирования перфекта в этом антологическом кодексе, своего рода мини-библиотеке, предполагает существенное разнообразие типов дискурса и соответствующих им форм. В то же время ограниченный объёмом собрания их круг позволяет получить более точные и детализированные результаты.

В ходе исследования была проведена сплошная выборка форм перфекта и проанализированы контексты их использования. Результаты соотнесены с имеющимися в историческом языкознании концепциями употребления форм перфекта в различных источниках.

Всем вышесказанным в совокупности определяется актуальность и новизна представленной работы.

3.1. Внимание учёных, рассматривающих категориально-грамматическую проблематику, неизменно привлекает функционирование сложных претеритов, в особенности перфекта. Интерес этот обусловлен тем, что именно перфектные формы эволюционировали в универсальный претерит. Между тем увеличение языкового материала и введение в научный оборот ранее не изученных рукописей делает очевидным, что такое понимание семантики славянского перфекта, как «отнесённое к настоящему времени состояние, являющееся результатом совершённого в прошлом действия» [9, с. 260], трудно признать удовлетворительным, хотя указанное определение в том или ином виде повторяется многими учёными, в том числе зарубежными [10, с. 156; 11, с. 113]. Подобные дефиниции, однако, лишь «воспроизводят его понимание в индоевропеистике» [12, с. 1235].

Исследования [13–15] показывают, что славянский перфект в подавляющем количестве случаев не коррелирует с греческим перфектом и имеет «некое иное значение» [16, с. 27]. В работах, посвящённых проблеме функционально-семантического статуса перфекта, выделение конкретного ограниченного комплекса значений, который бы безусловно объяснял причину использования/неиспользования формы перфекта во всех контекстах, как правило, вызывает затруднения [14, 17, 18].

3.2. Изучаемая рукопись содержит 150 случаев употребления перфекта, причём основной объём составляют формы 3 л. ед. ч. (78 форм, или 52%) и 2 л. ед. ч. (55 форм, или 37%). Относительно большое количество перфектов связано с жанровыми особенностями СбТол XIII₂, преобладанием в нём нарративных, диалогических и проповеднических контекстов, где, в частности, указывается

на действия Бога: *егоже днесь самъ богъ въспоманоуль и призрѣль и помиловаль* (16)². Остальные формы представлены гораздо реже:

- 1 л. ед. ч. азь сего первое *нѣсмь рекль* нъ пѣсникъ от лица сыновна глаголетъ (136);
азъ тебѣ *нѣсмь створиль* рече манихеи (126 об.);
рекль есмь и преже (154);
- 1 л. мн. ч. яже *есмы сгяли* нына слезами (111);
отвѣщахомъ мы дары ему *принесли есмы* (60 об.);
егоже въскраи нына *пришли есмь...* (159 об.–160);
- 2 л. мн. ч. премоудрии ловьци... достоиноу троуда мѣздоу *прияли есте*.
прославили есте на земли христа сына соуща божия (45);
въпрашахуть и старѣишины жидовьскыя. о будущемъ чего дѣла
есте пришли и отвѣщахомъ се. его же нарѣчете месию родиль
са естъ. <...> повѣдите намъ что *есте разоумѣли* (60);
пришедши же господеви припадоста сестрѣ глаголющую кде и
есте положили (117 об.);
слышали есте явѣ въ предѣ нимъ словесе. исайю глаголюща
(171);
- 3 л. мн. ч. видиши ли явѣ яко и се преже *написали суть* пророци (163 об.).

Подавляющее количество форм употреблено со связкой (135 форм, или 90%), что указывает на книжный характер СбТол XIII₂, из них только 16 случаев (11%) содержат связку в препозиции. Без связки употреблены формы 3 л. ед. ч. (13 форм, или 9%) и 3 л. мн. ч. (2 формы, или 1%). Часть из них стоит одним в ряду с формами со связкой:

- 3 л. ед. ч. самъ бо исусъ христосъ... *избѣраль* вы *есть*. и въ церквахъ дому своего *посадиль* (45);
а крестьныи оубо вънець *просвѣтиль* оубо *есть* невидѣниемъ слѣпыа *разъргъшилъ* же вса грѣхомъ съдержимыа и миръ весь челоуѣкъ *избавиль* (158 об.–159);
крестъ вса събра. съ персы *поработиль есть*. ис кюфы *оукротиль* (170);
самъ духъ святыи *глаголаъ есть* писания самъ о себе *рекль есть* <...> да глаголемъ убо еже *рекль* егоже бо *не рекль* мы не смѣемъ (182).

Другие примеры представляют собой одиночные формы без связки:

- 3 л. ед. ч. *егоже днесь самъ богъ въспоманоуль и призрѣль и помиловаль* (16 об.);
ли грѣшенъ ли праведнъ. нъ тѣхъ точю чтомыхъ послоушають. и тыщитса абы ничто же ихъ *не забыло* (23–23 об.);
и сѣдши еже от оуности до старости *створила* написа на харатью (85 об.);
обращеши собѣ отца. то же са отецъ *родиль*. От своего отца преже всѣхъ вѣкъ (48);
кто лі *вложиль* тѣптаніе въ сердце беспрѣстані (109 об.);
прі законодавци моісии рекшимъ не прелюбуи. мужъ в пещь влѣзь скверновати *дерзнулъ* (150);

² Здесь и далее цитаты приводятся в графически упрощённом виде. «А йотированное» передаётся как «я». Сокращения восстановлены. В скобках номер листа.

- 3 л. мн. ч. понеже преже видѣвъ въ угасъша от росы огонь *не въгровали* (97 об.);
азъ же тебе свѣдѣтеля гонителя предъ поставих. зане супротивъ *пришли* (141).

Формы перфекта распределены в тексте неравномерно. Наибольшая их концентрация приходится на переведённое с греческого языка «Сказание Афродитиана» (л. 56 об.–62). В небольшом по объёму тексте (6 листов) отмечено 20 случаев употребления перфектных форм (около 3.3 примера на лист). Они использованы в диалогической речи, которая широко представлена в новозаветном апокрифе. Почти в три раза реже используется перфект в Словах Кирилла Туровского (л. 1–23, 25–46), двух анонимных Поучениях (л. 23–25, 46–48) и Притче (л. 48–49 об.) (всего 52 формы; 1.08 примера на листе) и ещё меньше в огласительных Поучениях Кирилла Иерусалимского (л. 89 об.–184 об.) (74 формы на 95 листах; 0.77 примера на листе). Очень редко встречаются анализируемые формы в Слове Иоанна Златоуста на Рождество Христово (л. 49 об.–56 об.) (1 пример на 7 листов), в апокрифе о перенесении нерукотворного образа Иисуса Христа из Едеса в Царьград – Легенде об Авгаре (л. 62 об.–68 об.) (1 пример на 6 листов), «памяти» преп. святителя Василия (л. 68 об.–88 об.) (3 примера на 20 листов).

В СбТол XIII₂ наблюдаются случаи использования аориста (выделены полужирным шрифтом) и перфекта в одном контексте в качестве однородных членов:

- 2 л. ед. ч. да быша глаголали тако. велии яси господи и чюдьна дѣла твоя. яко *посѣтилъ яси* насъ милостию. и **створи** избавление людемъ своимъ (27 об.);
- 3 л. ед. ч. кто се ясть царь славы. с толикою на ны *пришель* властью. *погоубилъ ясть* княза тьмы. и вса яго *въсхытилъ* скровища. **разби** смертньи градъ (13);
богъ господь и **яви са** намъ. и *посѣтилъ ест* насъ въстокъ свыше (54 об.).

Подобное довольно часто встречается в разнообразных источниках, что наводит исследователей на мысль о непротивопоставленности форм аориста и перфекта и о возможной реализации перфектом значения недифференцированного действия в прошлом [13, с. 282; 14, с. 72].

Формы перфекта встретились нам в одном ряду и с формами настоящего времени (выделены полужирным шрифтом):

- 3 л. ед. ч. глаголахоу. что створимъ галилѣяниноу семоу. яко оуже отврѣщи хошетъ богоданыи моисѣевъ законъ. и старьчская прѣдания въ посмѣхъ *положилъ ясть*. а рыбарѣ тивериадскаго ѳезера невѣгласы соуща. яже по собѣ нына **водитъ**. четьнѣише архиерѣи и фарисѣи *створилъ ясть*. исъ церкви продающихъ овца и голоуби **изгонитъ**. а мытарѣ и грѣшныиы приимаю въ жьртвѣникъ **въводитъ** (27 об.).

В данном примере попарно сгруппированы формы перфекта и настоящего времени, тем самым образован синтаксический параллелизм: *галилеянин посмеялся над старческими преданиями, а рыбаков сделал «архиереями»; выгоняет из церкви торговцев, а грешников вводит в жертвенник.*

Помимо прочего, перфект может быть семантически связан с будущим временем (выделены полужирным шрифтом):

- 3 л. ед. ч. они же глаголаху ожила *есть*. и потомъ **не наречеть сѧ** ира. но оураиа. великое бо солнце *възлюбило ю **есть*** (57 об.).

Таким образом, действие, обозначенное перфектом, является причиной события, которое с позиции говорящего произойдёт в будущем.

Во 2 л. перфект активно употребляется при описании действий главным образом святого, с кем ведётся «мысленный диалог»:

- 2 л. ед. ч. ты же радоуя сѧ на своюю рукоу христа бога *носишь **еси***. <...> того же ты въ плащаницю *обиль **еси*** тѣло. блажю роуцѣ твои иосифе. на нею же сына божия и всѣхъ творца *държалъ **еси*** тѣло. <...> нъ самого бога приемъ от крѣста. въ своемъ гробѣ радоуя сѧ *положилъ **еси*** (14);
тѣгда ты без боязни и бесоумнѣния *послужилъ **еси*** христови. святители тѧ старѣшиноу прозову. тѣмъ бо образъ своея слоужбы *предалъ **еси***. <...> священномученикомъ ли тѧ нареку. яко толикоу *показалъ **еси*** любовь къ христови. аще бо и не въгроузи сѧ въ твоя пѣрси оружие. ни проля сѧ твоя от меча кровь. нъ изволениемъ и вѣроу. по христѣ *положилъ **еси*** душу. поразили бо тѧ быша и на оудеса расѣкли. <...> нъ паче всѣхъ святыхъ *подвизалъ сѧ **еси*** (15–15 об.);
- 2 л. мн. ч. премоудрии ловьци... достоиную троуда мѣздоу *прияли **есте***. *прославили **есте*** на земли христа сына соуща божия (45).

С помощью перфекта в прямой речи передаётся действие, перед этим обозначенное аористом (выделены полужирным шрифтом):

- 2 л. ед. ч. и посадивъ отецъ сына на престолѣ. и своюю **вѣнча** него десницею. въспѣвающимъ сице серафимомъ. *положилъ **еси*** на главѣ него вѣнецъ от каменя драгаго. славою и честью *вѣнчалъ **еси*** него. славою и вельлѣпотоу *възложишь **еси*** на нь (36 об.).

В 3 л. наиболее распространённым субъектом, выполняющим действие, обозначенное перфектом, является Бог (в том числе в метафорических обозначениях) и божественная сила: Бог Отец, Святой Дух, Иисус Христос, имя Господне, крест, крестный венец, великое солнце (54 примера из 78 случаев употребления, или 69%). Приведём некоторые из них:

- 3 л. ед. ч. на тоу бо гороу самъ христоъ богъ нашъ днесъ *прииель **есть*** (33 об.);
*посѣтилъ **есть*** насъ въстокъ свыше (54 об.);
великое бо солнце *възлюбило ю **есть*** (57 об.);
ветхаго завѣта богъ *ослѣпилъ **есть*** разумы невѣрныхъ (125 об.);
а крестьныи оубо вѣнецъ *просвѣтилъ оубо **есть*** невидѣниемъ слѣпыа (158 об.).

Редкие перфекты используются при описании действий, никак не связанных с сакральным или трансцендентным:

- 3 л. ед. ч. уже помысли колико странъ нынѣ живущих. колико *измерло **есть*** преже (180 об.);

при законодавци моісії рекшимъ не прелюбуи. мужъ в пещь
влѣзь скверновати *дерзнулъ* (150).

В данных примерах можно выделить «подчёркивающее», противопоставляющее значение перфекта: *сколько стран живо – а сколько умерло; Моисей говорил не прелюбодей – а человек дерзнул*. Похожее значение имеется и в вопросительной конструкции с перфектом 2 л.:

2 л. ед. ч. отвѣщаша жърци съ фарисѣи. *Ты родился в грехах – но сме-*
вѣ грѣсѣхъ *родиль ся юси* весъ *ешь нас учить?*
и ты ли ны оучиши (30).

Эмфатичность перфекта ярко реализуется в предложениях вопросительных:

2 л. ед. ч. почто *въсталъ юси* от немощи. почто *ицѣльгъль юси* от недоуга.
почто *прѣмгънилъ ся юси* от болѣзни (21).

Особо стоит отметить конструкции риторические:

2 л. мн. ч. вы же глаголасте <...> намъ явленное таити <...> или *нѣсте*
почюли колико искушение приимше асурииско (60 об.).

3.3. Неясное функциональное наполнение, варьирование перфектных форм, их относительная редкость, употребление главным образом в диалогической и прямой речи – всё это наталкивает на мысль о некоем субъективном, связанном с восприятием говорящего значении, которое они передают. В научной литературе при теоретическом осмыслении функционально-семантических особенностей перфекта выдвигаются следующие положения:

- формы перфекта «предполагают наличие у читателя определённых сведений», источником которых может быть предыдущий текст, фонд общих знаний либо логическая интерференция [19, с. 85];
- перфект часто имеет суммирующее значение, представляя события не так, как они происходили во времени, а так, как они отражены в памяти [20, с. 334];
- обозначаемая перфектом информация всегда относится к «объективным знаниям» [21, с. 165];
- перфект имел значение удостоверительности, свидетельствования [12, с. 1236];
- перфект осмысливается в символично-риторических параметрах, в качестве формы, передающей «акт веры», повествующий о ситуациях, имеющих «мистическую природу», далее расширяет значение, передавая экстраординарный характер ситуации, эмфатическое утверждение и вопрос, а также отсылку [17, с. 221–237].

Семантика перфекта «не очерчивается неким компактным смысловым комплексом, а развёртывается в виде разнонаправленных аналогических переносов смысла от хорошо известного к частично на него похожему» [17, с. 239].

Таким образом, можно предположить: перфектным формам, в частности, в исследуемой рукописи свойственна совокупность значений, реализующихся в речи и имеющих определённую логическую связь между собой. Эту совокупность значений можно разделить на две условные группы – эмфатическое выделение и передачу эвиденциальности (указания на источник информации), которые, однако, связаны между собой, поскольку свидетельствование несо-

мненно более экспрессивно, нежели простое название действия или события. Значения перфекта неравномерно распределены между книжным и разговорно-бытовым узусами. В книжных источниках перфект обслуживает ситуации, связанные с сакральностью, и используется в сложении ораторского типа текста. В разговорном языке, вероятно, большее развитие получило значение подтверждения, «общего знания», передачи известной информации.

Объединяющим компонентом всех значений является их субъективность, поскольку в сообщениях о прошлом требуется оценка достоверности информации говорящим. В то же время соотносённость с диалогической речью порождает связь с настоящим, поскольку участники диалога рассматривают события прошедшего через призму текущей экзистенциальной ситуации.

* * *

В Толстовском сборнике второй половины XIII в. преобладают нарративные, диалогические и проповеднические контексты. В связи с этим формы перфекта представлены в достаточном количестве. Однако они распределены в тексте неравномерно. Наибольшая частотность обнаруживается в новозаветном апокрифе «Сказание Афродитиана», где на 6 листах текста отмечено 20 примеров. Основную массу в рукописи составляют перфектные формы 2 и 3 л. ед. ч., причём употребление форм 3 л. ед. ч. без глагольной связки наблюдается крайне редко, что связано с церковно-книжным характером рукописи.

Во 2 л. ед. и мн. ч. наибольшее количество примеров описывают действия лица (в частности, святых или Бога), с которыми ведётся диалог, в том числе «мысленный». В 3 л. ед. ч. большинство форм перфекта указывает на действия Бога или божественной силы. Среди оставшихся примеров выделяются перфекты, использование которых передаёт выделение обозначенного действия или события, в том числе в таких синтаксических конструкциях, как риторический вопрос, противопоставление и параллелизм. В рукописи встречаются также случаи использования форм аориста и перфекта в качестве однородных членов.

При решении вопроса о семантике перфектных форм научная дискуссия всё дальше отходит от классического понимания перфекта, которое признаётся не охватывающим все варианты бытования форм в текстах, а также критикуется за семантическое отождествление с индоевропейским перфектом.

Все оттенки значений перфекта объединяет их субъективность, связь с оценкой ситуации говорящим. Вероятно, семантическим ядром перфектных форм является эмфатическое выделение действия или события, а также свидетельство и отсылка к источнику информации. Значения перфекта неравномерно распределены между языковыми узусами – книжным и разговорно-бытовым. В книжных источниках, в том числе в исследованном сборнике, перфект обслуживает ситуации, связанные с сакрально-метафизической сферой, и соотносится с ораторским дискурсом.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 15-04-00283).

Источники

СбТол XIII₂ – Толстовский сборник, вторая половина XIII в. РНБ, Ф.п.1.39. 184 л.

Литература

1. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI – XIII вв. – М.: Наука, 1984. – 496 с.
2. *Творогов О.В.* Кирилл, епископ Туровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 2 вып. / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. – Л.: Наука, 1987. – Вып. 1. – С. 217–221.
3. *Колесов В.В.* К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // Тр. Отд. др.-рус. лит. – 1981. – Т. 36. – С. 37–49.
4. *Двинятин Ф.Н.* Лингвопоэтический анализ Торжественных слов св. Кирилла Туровского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1996. – 18 с.
5. *Козлов С.В.* Символика «духовных сокровищ» в сочинениях Кирилла Туровского // Жанровое своеобразие и стиль. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 95–109.
6. *Трапезникова О.А.* Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале Торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 3. – С. 27–33.
7. *Черторицкая Т.В.* Стилистическая симметрия и архитектура торжественных слов Кирилла Туровского // Вопросы сюжета и композиции. – Горький: Горьк. гос. ун-т, 1984. – С. 20–25.
8. *Меречина С.И.* Система глагольных форм времени в произведениях Кирилла Туровского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2001. – 21 с.
9. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М.: КомКнига, 2006. – 512 с.
10. *Schmalstieg W.R.* An Introduction to Old Church Slavic. – Columbus: Slavica, 1983. – 314 p.
11. *Lunt H.G.* Old Church Slavonic Grammar. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. – 264 p.
12. *Жолобов О.Ф.* Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С. 1234–1245.
13. *Кузнецов А.М.* Перфект и другие претериты в прямой речи на материале Мариинского евангелия // Acta Slavica Estonica V: Тр. по рус. и славян. филологии XVI. Антропоцентризм в языке и речи / Отв. ред. И.П. Кюльмоя. – Тарту: Тарт. ун-т, 2014. – С. 273–284.
14. *Новак М.О.* Формы перфекта в древнеславянском переводе Апостола (на материале списков XII – XIV вв.) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15, № 2. – С. 69–74.
15. *Słoński S.* Tak zwane perfectum w językach słowiańskich // Prace Filologiczne. – 1926. – № 10. – S. 6–31.
16. *Krzysztof M.* The Syntax of Compound Tenses in Slavic: Doct. Diss. – Utrecht: LOT, 2006. – 321 p.
17. *Гаспаров Б.М.* Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // Рус. яз. в науч. освещении. – 2003. – № 1. – С. 215–242.

18. *Кузнецов А.М.* Перфект в Лаврентьевской летописи // VALODA–2013. Valoda dazadu kulturu konteksta. Zinatnisko rakstu krajums XXIII. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgards “Saule”, 2013. – S. 53–62.
19. *Петрухин П.В.* Перфект и плюсквамперфект в новгородской первой летописи по синодальному списку // Russian Linguistics. – 2004. – № 28. – С. 73–107.
20. *Klenin E.* The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists (Bratislava, August – September 1993): Literature. Linguistics. Poetics. – Columbus: Ohio, 1993. – P. 330–343.
21. *van Schooneveld C.R.* A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. Slavistic printings and reprintings. – Hague: Mouton, 1959. – 171 p. (Slavistic Printings and Reprintings, VII)

Поступила в редакцию
27.04.17

Шаяхметова Эльвира Халитовна, аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: sha.elvira@mail.ru

Жолобов Олег Феофанович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ozolobov@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1163–1174

The Functional and Semantic Features of Perfect Forms in the Manuscript of the 13th Century

*E.Kh. Shayakhmetova**, *O.F. Zholobov***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: *sha.elvira@mail.ru, **ozolobov@mail.ru

Received April 27, 2017

Abstract

This paper reflects the results of the investigation of the semantics of perfect forms in the manuscript (NLR, F.n. 1.39) of the 13th century, which was performed within the framework of the project devoted to the evolution and functioning of the Old Russian verb. The manuscript involves Kirill of Turov's tales and the oldest South Russian translation of the apocrypha “The Tale of Aphroditian”. In this regard, we have focused our attention on the contents of the collection, and not on its linguistic and morphological characteristics. The work is a part of the comprehensive analysis of the linguistic features of Tolstoy's Collection. It has been found that most perfect forms in the source under study, as in many other manuscripts, are represented by 2- and 3-person singular forms, but, unlike the “traditional” using of 3-person forms without a link, there are few such forms. It seems impossible to identify a single meaning that could explain all contexts of both use and non-use of perfect forms. It has been suggested that perfect forms convey a certain complex of subjectively colored meanings associated, on the one hand, with

the emotionally expressive emphasis on the action or event and, on the other hand, with the evidence of or reference to the known information/source.

Keywords: Old Russian language, perfect tense, complex preterites, semantics of verbal forms, Old Russian manuscript of 13th century

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 15-04-00283).

References

1. A Consolidated Catalogue of Slavonic-Russian Handwritten Books Stored in the USSR. The 11th – 13th Centuries. Moscow, Nauka, 1984. 496 p. (In Russian)
2. Tvorogov O.V. Dictionary of Scribes and Scribing in Old Rus. *Kirill, episkop Turovskii* [Kirill, a Bishop of Turov]. Likhachev D.S. (Ed.). Leningrad, Nauka, 1987, pp. 217–221. (In Russian)
3. Kolesov V.V. On characterization of Kirill of Turov's poetic style. *Tr. Otd. Dr.-Rus. Lit.*, 1981, vol. 36, pp. 37–49. (In Russian)
4. Dvinyatin F.N. Linguopoetical analysis of Kirill of Turov's solemn words. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* St. Petersburg, 1996. 18 p. (In Russian)
5. Kozlov S.V. Genre Specifics and Style. *Simvolika "dukhovnykh sokrovishch" v sochineniyakh Kirilla Turovskogo* [The Symbolism of "Spiritual Treasures" in Kirill of Turov's Works]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1985, pp. 95–109. (In Russian)
6. Trapeznikova O.A. Citation as an actualizer of the author's intention in the Old Russian text (based on Kirill of Turov's solemn words). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2011, no. 3, pp. 27–33. (In Russian)
7. Chertoritskaya T.V. Problems of Plot and Composition. *Stilisticheskaya simmetriya i arkhitektonika torzhestvennykh slov Kirilla Turovskogo* [Stylistic Symmetry and Architectonics of Kirill of Turov's Solemn Words]. Gorky, Gor'k. Gos. Univ., 1984, pp. 20–25. (In Russian)
8. Merechina S.I. The system of verbal tense forms in Kirill of Turov's works. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Kazan, 2001. 21 p. (In Russian)
9. Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. The Historical Grammar of the Russian Language. Moscow, KomKniga, 2006. 512 p. (In Russian)
10. Schmalstieg W.R. An Introduction to Old Church Slavonic. Columbus, Slavica, 1983. 314 p.
11. Lunt H.G. Old Church Slavonic Grammar. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2001. 264 p.
12. Zholobov O.F. Functioning of composite preterites in the ancient literary heritage. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 5, pp. 1234–1245. (In Russian)
13. Kuznetsov A.M. The perfect tense and other preterites in the direct speech based on the materials of the Codex Marianus. *Acta Slavica Estonica V: Tr. po rus. i slavyan. filologii XVI. Antropotsentriзм v yazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica V: Proc. Russ. Slavyan. Philol. XVI. Anthropocentrism in Language and Speech]. Kyul'm I.P. (Ed.). Tartu, Tart. Univ., 2014, pp. 273–284. (In Russian)
14. Novak M.O. On perfect tense forms in Old Slavic Apostols (based on the materials of manuscripts of the 12th – 14th centuries). *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 69–74. (In Russian)
15. Słoński S. Tak zwane perfectum w językach słowiańskich. *Prace Filologiczne*, 1926, no. 10. S. 6–31. (In Polish)
16. Krzysztof M. The Syntax of Compound Tenses in Slavic. *Doct. Diss.* Utrecht, LOT, 2006. 321 p.
17. Gasparov B.M. Observations of perfect tense usage in Old Church Slavonic texts (on the problem of grammatical meaning). *Russkii Yazyk v Nauchnom Osveshchenii*, 2003, no. 1, pp. 215–242. (In Russian)
18. Kuznetsov A.M. The perfect tense in the Laurentian Manuscript. VALODA–2013. *Valoda dazadu kulturu konteksta. Zinatnisko rakstu krajums XXIII*. Daugavpils, Daugavpils Universitates Akademiskais apgards "Saule", 2013, S. 53–62. (In Russian)
19. Petrukhin P.V. The perfect and pluperfect tense in the Novgorod First Chronicle of the Synod Scroll. *Russian Linguistics*, 2004, no. 28, pp. 73–107. (In Russian)

20. Klenin E. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377. *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists (Bratislava, August – September 1993): Literature. Linguistics. Poetics*. Columbus, Ohio, 1993, pp. 330–343.
21. van Schooneveld C.R. A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. *Slavistic Printings and Reprintings*. Hague, Mouton, 1959. 71 p. (Slavistic Printings and Reprintings, VII)

⟨ **Для цитирования:** Шаяхметова Э.Х., Жолобов О.Ф. Функционально-семантические особенности перфектных форм в сборнике XIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1163–1174. ⟩

⟨ **For citation:** Shayakhmetova E.Kh., Zholobov O.F. The functional and semantic features of perfect forms in the manuscript of the 13th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1163–1174. (In Russian) ⟩